

— Завтра в восемь двадцать входим в аудитории, прибыть на пункт сдачи за десять минут. Канцелярию выдадут, главное — паспорта и пропуска на экзамен, обязательно, ни в коем случае не забудьте! — Тон классной руководительницы был спокойным, но в голосе проскальзывала едва уловимая дрожь — то ли от волнения, то ли от нахлынувших чувств. Она тяжело вздохнула и обеими руками вцепилась в края кафедры. — Ребята! Пусть вы и не рассчитываете пробиться в жизнь через гаокао, но экзаменационный класс — это поле боя для учеников, а вы — воины! Даже если завтра попадутся задачи, которых вы совсем не знаете, пишите хоть что-нибудь, угадывайте изо всех сил! Воин должен умереть стоя, не сдавайтесь!

«Умереть стоя, блин», — проворчал кто-то внизу. Умрешь стоя — все равно рухнешь, причем, скорее всего, лицом в грязь.

В классе стоял шум и гам. Ребята выгребали из столов всякий хлам и разом сваливали его в огромный мусорный бак, который со звоном пинали по всему кабинету.

Классная руководительница снова вздохнула.

С этим классом она правда сделала все, что могла.

— Ладно, опустите записки в ящик на кафедре, заберите личные вещи, и дежурным сегодня оставаться не нужно.

Дзинь-дзинь-дзинь——

Резкий звонок сорвал печать тишины, и коридоры моментально бурлящим потоком захлестнул шум. Шаги и топот разносились повсюду, уходящие ученики с грохотом двигали столы и стулья, и только парень на последней парте у окна даже не шелохнулся.

Он еще с самого начала лежал на столе, уткнувшись головой в левую руку. Из-под одежды проглядывала белоснежная точеная шея, а на спине четко вырисовывались очертания лопаток. Черные волосы были чистыми и пышными, даже слегка растрепанными, и из-за этой взъерошенности покрашенная серебристая прядь ничуть не скрывалась, торча вместе с остальными волосами.

Впрочем, серебром это назвать можно было лишь условно: на солнце прядь отсвечивала едва заметной, наисветлейшей позолотой, хотя и полноценным золотом тоже не являлась.

Впрочем, какого бы цвета она ни была, главное — топорщилась за компанию со всем остальным.

Е Сы поднял голову только спустя добрую минуту. В его наушниках всё еще бешено надрывался трек:

«О юность, ах юность! Сидишь ты с севера на юг! Впитываешь свет солнца! О юность, ах юность! Ты в самом расцвете сил! Смотри...»

— Бог Е, — чей-то рука выдернула у него правый наушник. — Погнали, если сейчас пойти, еще успеем поесть шашлыков перед домом.

Е Сы дернул провод вниз, аккуратно свернул наушники и сунул в карман. В его чистых, ярких глазах проскочило раздражение:

— Завтра гаокао, какие к черту шашлыки!

Сун И со смехом хлопал его по плечу:

— Да ладно тебе притворяться! Как только мы, старые пердуны, свалим после гаокао, рейтинг двоечников обновится. Разве не стоит заранее отпраздновать твой триумфальный уход с первой строчки?

В груди у Е Сы словно кольнуло. Он поморщился:

— Мне сегодня что-то не по себе, не трогай меня.

Он взглянул в пустой, отполированный ящик стола и усмехнулся:

— Легенда уходит на покой. Наконец-то я слечу с этого рейтинга! Погнали, погнали.

— О-о-о! — воскликнул Сун И. Опираясь на беспорядочно расставленные парты, он в пару прыжков очутился у учительской кафедры и рванул к выходу: — Я предупрежу остальных! Встретимся у шашлычной, и смотри не забудь бросить записку!

— Придурок, — с улыбкой качнул головой Е Сы.

В классе никого не осталось, лишь по всему кабинету валялись в беспорядке столы и стулья.

Глядя на парты, Е Сы почувствовал легкое искушение. Что касается ловкости, в Инхуа никто не осмелился бы оспорить его первенство. Обычно он передвигался по классу, перепрыгивая через столы, но сегодня сердце и правда вело себя как-то не так. Ладно, не стоит.

Е Сы вздохнул, сгреб со стола записку и, огибая парты, направился к выходу.

Выпускные записки были традицией Инчжуна. Перед гаокао каждый анонимно писал что-то от себя, после чего в каждом классе записки сбрасывали в специальный ящик. В день, когда абитуриенты возвращались в школу подавать заявки в вузы, ящики всех классов высыпали в одну кучу и сжигали.

Пышное прощание с юностью.

Е Сы считал всю эту затею откровенной бредятиной, но вынужден был признать: в 18-м классе собрались настоящие гении. Кто-то написал: «Я помню никнеймы всех читеров, с которыми сталкивался, сожгу их, чтоб сдохли разом», кто-то: «Я написал имя своего геморроя, с огоньком прощаюсь с моим шишкариком», а один отморозок вообще указал яйца своего соседа по комнате, намереваясь в день подачи заявок сделать того евнухом.

Е Сы проникся этим духом и тоже решил написать.

Сжав бумажку в пальцах, он поднялся на кафедру. Занеся руку над узкой щелью ящика, Е Сы замер на секунду и всё же не удержался от ругательства:

— Идиотизм.

Неизвестно, ругал ли он организатора этой традиции или самого себя за то, что поддался общей глупости.

На бумажке были написаны три слова: «Врожденный порок сердца».

Он протолкнул записку внутрь, закинул рюкзак за спину и размашистым шагом покинул этот

хаотичный класс.

— Я, Е Сы, ушел!

Прямо как герой.

— О юность, ах юность! Сидишь ты с севера на юг! Впитываешь свет солнца! О юность, ах юность! —

Напевая себе под нос фоновую музыку, Е Сы неспешно шагнул от одного конца коридора к другому. Почти все ученики параллели уже разошлись, коридор пустовал, и даже в элитном 4-м классе возле лестницы, где учитель вечно задерживал уроки, установилась тишина.

В глазах Е Сы школьники делились на три типа: боевые хулиганы, готовые крушить и драться; «шаматэ» — неспособные драться, но наносящие визуальный урон своим видом; и покорные зубрилы, не поднимающие головы от книг. Эти три группы четко разграничивались, как воин, маг и жрец в онлайн-играх.

Е Сы, топовый берсерк, лишь изредка устраивал набеги на режущих глаз мелких магов, но никогда не трогал мирных кочевников, тихо качающихся в сторонке.

4-й класс как раз и был пристанищем этих кочевников. Например, легендарный «свет Инхуа» Хэ Сю — красавчик школы и Бог Учебы, держащийся от всех подальше. Е Сы учился с ним в одном классе два года, на первом и втором курсах старшей школы, и за всё время они не перебросились и десятком осмысленных фраз. Да и здоровался всегда Е Сы.

— Эй!

Хэ Сю обычно бросал на него короткий взгляд и кивал:

— Угу.

Скучные эти кочевники, право слово. Нужно ведь отвечать хотя бы «Ой!».

Я говорю «эй», ты отвечаешь «хой».

Эй!

Хой!

Неписанный закон улицы, не иначе.

Шагая мимо 4-го класса, Е Сы боковым зрением заметил фигуру, которая только что мелькала в его мыслях.

Высокий, привлекающий внимание силуэт — ростом примерно метр восемьдесят шесть или восемьдесят семь, широкие плечи, узкая талия, длинные ноги. Хотя в нем чувствовалась та же юношеская худоба, что и у Е Сы, она не могла скрыть выправку и статную фигуру. Одетый в белую школьную рубашку, он в одиночестве стоял у кафедры.

Хэ Сю не обладал дерзкой, резкой привлекательностью Е Сы, у которого даже кончики волос дышали вызовом. Его черты лица отличались спокойной, благородной красотой, идеально гармонировавшей с его сдержанным и рассудительным характером.

В Инхуа давно ходила легенда о «непревзойденной двойце школьных красавчиков». «Двоицей» их звали потому, что красавчиков было двое: Хэ Сю из 4-го класса и Е Сы из 18-го. А «непревзойденной» — потому что от обоих не было никакого толку: Е Сы был слишком отъявленным хулиганом, а Хэ Сю — чересчур неприступным холодником, так что числились они скорее для галочки.

4-й класс тоже опустел, остался лишь Хэ Сю. Он держал бумажку прямо над щелью секретного ящика, но пока не торопился выпускать ее из рук.

Е Сы остановился и даже отступил на два шага назад, исподтишка разглядывая его.

Он думал, этот великий жрец прочтет над ящиком какую-нибудь поэму перед тем, как опустить записку. Но к его удивлению, парень, помедлив и поглядев на бумажку пару мгновений, вдруг отдернул руку, вложил ее в тетрадь с упражнениями, которую держал в руках, и повернулся к выходу.

Они столкнулись нос к носу.

В душе Е Сы вспыхнула неловкость, но он гордо принял вызов и бросил холодный взгляд:

— Эй!

Хэ Сю не просто не промычал в ответ — он остановился и улыбнулся ему.

Е Сы чуть не оступился от неожиданности.

— Давно не виделись, — произнес Хэ Сю, поправляя стопку тетрадей. Его интонация была неспешной и слегка подначивающей — попадись на его месте какой-нибудь «шаматэ», Е Сы ответил бы кулаком без лишних слов. Но с Хэ Сю так нельзя.

Берсерк не трогает кочевников. Это было правило, которое Е Сы установил сам для себя.

Неловкость от вынужденной светской беседы с малознакомым одноклассником нахлынула снова. Е Сы еще не решил, что ответить, а Хэ Сю уже спокойно шагнул мимо.

Сделав пару шагов, он внезапно снова остановился и повернулся:

— Е Сы.

Е Сы не понял:

— А?

— Ты уже решил, куда будешь поступать? — ровным тоном спросил Хэ Сю.

Е Сы окончательно растерялся:

— Гаокао еще не сдали, на кой черт думать об этом так рано? Ты что, уже выбрал?

Выражение лица Хэ Сю стало предельно серьезным:

— Да.

Е Сы ненадолго замолчал, а потом выдохнул:

— Ну ты и крут.

Хэ Сю вздохнул и махнул рукой:

— Ладно. После гаокао наш прежний класс все равно соберется. До встречи.

Е Сы смотрел ему вслед, пока тот не удалился, и только спустя некоторое время издал опомнившееся: «А...»

Он стоял на месте в полном замешательстве, сам не понимая, с чего вдруг так растерялся. Телефон издал несколько коротких звуковых сигналов подряд: хулиганский чат начал его торопить. Мотнув головой, Е Сы поспешил на встречу.

Уже подходя к воротам школы, Е Сы случайно заметил на земле выпускную записку. Она была абсолютно новой, без следов от обуви — ее ровно только что кто-то выронил.

Е Сы поднял бумажку, и его развязанное выражение лица на мгновение застыло.

«Летом после второго класса Старшей школы Тай Суя пырнул я. Было кайфово. Не жалею».

<http://bllate.org/book/18378/1766667>